

Лидия Чарская

Дорогой ценой

Лидия Алексеевна Чарская

Дорогой ценой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636895

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Старая женщина вздрогнула, повернула голову, взглянула на молодую и... в тот же миг увидела отражение своего горя, своего отчаяния и холодной, мертвой тоски в поднятых на нее глазах молодой. И старое сердце дрогнуло, сжалось в комок...

Содержание

I	4
II	7
III	10
IV	11
V	13

Лидия Алексеевна Чарская

Дорогой ценой

I

Было много слез и волнений после того, как Евгений Павлович Чаев сообщил семье о своей предстоящей женитьбе на Елене Поляновой. Сестры – высокая, худая, желтолицая Анна и маленькая застенчивая Машенька – плакали безо всякого стеснения в присутствии брата.

– Ведь она актриса, Женюшка. Ведь ничего своего у неё нет; ведь каждое движение, каждый жест у неё наизусть выучен. Может ли она и любить-то тебя по-настоящему? Да и разводка она, Женя: первого мужа, всем известно, бросила, так...

– Перестань вздор молоть, не говори того, чего не знаешь! – резко обрывал старшую сестру Евгений. – Не бросила она мужа, а принуждена была оставить его, потому, что он – развратник и извращенец... Поняла?

Нет, ничего не поняла Анна Чаева, не поняла ничего, кроме того, что научилась понимать едва ли не с пеленок, что всосалось в её кровь с молоком матери, что испокон веков было традицией и законом в их патриархальной, строго нравственной купеческой семье.

По раз и навсегда сложившимся традициям этой семьи, каков ни был муж, выйдя замуж, жена должна была все терпеть от него и нести свой крест до самой могилы, должна была сносить и придирки мужа, и измены его, и даже побои от руки главы семейства. Так учила сызмальства дочерей мать. А слова «развод» даже не существовало в её понятиях.

Поэтому даже застенчивая, миловидная, совсем еще юная Машенька рискнула сказать брату:

– И что же это ты, Женечка, разведенную за себя берешь? Мало ли девушек хороших и без неё найдется? К тому же и бесприданница она, сирота круглая, от бедных родителей. Уже какая она партия тебе! Да Дунечка Красноярская за честь сочтет, мигни только. А все знают, что старик Красноярский за дочкой полтора миллиона дает.

Но Евгений Павлович только рукой махал на все эти речи. Его беспокоило гораздо более серьезное обстоятельство, предстоявшее ему еще впереди: как подойти с известием о скорой своей свадьбе с Еленой к старухе-матери? С самого юного возраста он привык видеть в матери оплот и силу, на которой зиждилось не только благополучие, но как будто даже и сама жизнь всех окружающих ее людей.

Властолюбивая, деспотического нрава, Анфиса Алексеевна Чаева представляла собой классический, уже вымирающий в наше время, тип купчихи старого закала, типичной представительницы матриархата, требовавшей, чтобы дети чуть ли не до седых волос беспрекословно подчинялись ей.

Благодаря этому её деспотизму был жестоко несчастлив её старший сын, женатый на характерной, вздорной бабенке, принесшей впрочем около двух миллионов приданого в их дом. Благодаря тому же деспотизму сохла и таяла, как свеча, оставшаяся в девушках Анна, не посмевавшая выйти из воли матери и соединиться с тем, кого любила.

Все это знал Евгений, когда шел просить благословения на свой брак с оперной певицей Поляновой, которую любил со всем пылом своих двадцати четырех лет.

Как он предполагал, так и случилось. В мрачной, полутемной благодаря постоянно спущенным шторам, горнице (старуха Чаева не терпела яркого света) с огромным киотом, озаренным светом лампы, высокая, прямая, как стрела, с лицом старого иконописного письма, старуха Чаева выслушала очень терпеливо и внимательно младшего сына. Когда же смущенный этим исключительным и как будто подчеркнутым вниманием Евгений замолчал, она резко и коротко ответила:

– Пока жива, не дам своего благословения тебе на брак с актеркой-разводкой. А ежели не уважишь матери и по-своему поступишь, так и знай: верх-мезонин был твой – твоим и останется, доходы с гостинодворского магазина пополам с Иванушкой – твои тоже, а жену мне свою показывать и думать не смей. Не знаю её и знать не хочу! Слышишь?

II

И все-таки Евгений Павлович Чаев, купец первой гильдии и один из наследников фирмы «Чаев и Сыновья», женился на артистке частной русской оперы, Елене Поляновой. На свадьбе присутствовали только сестры, густо-густо обвешанные старинными фамильными бриллиантами, да брат с женой. Последняя тихонько злословила в уши золовок по поводу несуществующих любовников «несчастной актрисы, погубившей их Женюшку».

А сама Леночка, пышная, двадцатитрехлетняя шатенка с задумчивыми черными глазами, похожими на две глубокие пропасти, тихо сияла непобедимой радостью, стоя перед аналоем по левую руку жениха. Евгения Чаева она любила беззаветно. С первым мужем Лена была глубоко несчастна, не выдержала, разъехалась с ним на второй год супружества, не будучи в состоянии выносить более его грубые издевательства, его постоянные мелкие измены и грязные, извращенные, обидные ласки.

Евгения Павловича и его почтительную любовь, его робкое поклонение Лена узнала уже после развода всего год тому назад. Подруги по сцене привели его и представили ей: – Вот, Леля, твой безумный поклонник.

Чем-то непосредственным и свежим пахнуло с его появлением на молодую, но уже измученную душу Елены. И не

только богатырская красота, чудесные синие, совсем детские глаза Евгения и добродушная улыбка покорили молодую певицу, а и то особенное, то светлое, что таилось в этом богатыре, в самых недрах его детской души. И ради этой души, этой свежести, а главное – ради любви его к ней, Лена готова была вынести и деспотизм не желавшей знать ее снохи, и мелочные уколы жены старшего Чаева, и неприязненные взгляды обеих золовок.

После свадьбы молодые, поселившись наверху, в четырех уютных «холостых» комнатах Евгения, держали свой особый от «низа» стол, свою отдельную прислугу.

Старуха Чаева сдержала слово и не пускала жены младшего сына к себе на глаза. Но Елена так была полна своим новым счастьем и любовью к молодому мужу, буквально носившему ее на руках, что вовсе и не чувствовала создавшейся вокруг неё неприязни. Золовки редко заглядывали «наверх» к молодым, но те и без них чувствовали себя отлично.

По утрам, пока Евгений ездил по делам (он совместно с братом вел их после смерти отца), Елена бывала на репетиции, если же случалось остаться дома, то лежала с книгой любимого писателя, наслаждаясь от души уютом, спокойствием и тишиной.

Так было до тех пор, пока не грянул гром военной бури над Россией, пока безумные планы Вильгельма II не нарушили правильно создавшегося хода великой европейской машины, пока Евгений Павлович Чаев, бывший прапорщиком

запаса, не ушел на войну.

III

Четыре уютные комнаты сразу потеряли свой уют и прелесть для Елены с отъездом мужа. Теперь в свободное от репетиций и спектаклей время она просиживала часами без дела на одном месте, с неподвижно уставленными куда-то вдаль, в одну точку, страдальческими глазами.

За окнами моросил дождь или скупое светило холодное осеннее солнце; зажигались на небе и гасли вечерние и утренние зори.

Приходили новые известия с театра войны. Русские богатыри брали город за городом, пункт за пунктом. Взяли Галич и Львов, взяли Ярослав. Галиция и Буковина преклонились пред русским стягом. Перешагнули Карпаты и устремились к дальнему Пешту.

Волнуясь и робко ликуя, до строки читала Елена известия о русских победах с далекого театра военных действий. Но, прежде, чем заниматься ими, с захваченным от страха дыханием, с холодеющим от волнения сердцем, крестясь дрожащей рукой, она пробегала списки раненых и убитых и, только найдя букву «Ч» в длинном перечне фамилий по алфавиту и не видя среди них знакомого бесценного имени, с облегченным вздохом переходила к известиям о ходе военных действий.

IV

Это случилось утром. По раз заведенному обычаю, горничная Феклуша внесла на подносе с утренним кофе и свежий, пахнувший типографской краской, лист газеты.

Нетерпеливой рукой схватила его Елена, отыскала «Ч» и замерла без движения, с мертвенно-бледным лицом и разлившимися зрачками. Между убитыми значился прапорщик Чаев, её муж.

Точно кто-то поднял тяжелый молот и опустил его на голову молодой женщины; как будто вскрыли ей грудь и на место сердца втиснули тяжелый холодный камень; не дрогнув, остановилось оно. И капли ледяного пота сразу оросили лоб, темя, всю голову, все тело.

На минуту улетело сознание, а когда вернулось, Елена снова схватилась за газету и опять увидела то же – прапорщика Чаёва в списке убитых героев войны.

А потом началось сразу страшное, неизбежное. К вечеру пришла телеграмма с роковой, не подлежащей уже никаким сомнениям, вестью.

«Убит. Тело прибудет тогда-то».

Внизу то и дело раздавались истерические рыдания осиротевших сестер. Девушки не плакали, а выли по-старинному, с причитаниями и взвизгиваниями на весь дом. Но голоса матери не было слышно среди этих сверхчеловеческих

проявлений горя. Ни единого звука не доносилось из её горницы. Говорила старая заслуженная горничная Дуняша, поседевшая и сморщившаяся вместе со своей хозяйкой, что «дюже убита Анфиса Алексеевна», «туча тучей» сидит в своем кресле не говорит ни с кем и не молится долго, как прежде у киота бывало. Толкнулись было к ней дочери – не пустила, не приняла. Без неё, в ожидании прибытия тела, служили панихиды в большом зале, убранном тропическими растениями.

Похудевшая до неузнаваемости стояла на этих панихидах Елена. Замерло в ней все. Не было по-прежнему ни слез, ни стонов; как будто зверь отчаяния съел опустошенную душу. Вспоминались живой, жизнерадостный Евгений, его любовь, его горячие ласки. Не могла, не хотела Елена верить, что его уже нет и не будет больше. Все существо потрясенное до основания, точно утонуло в черной беспросветной бездне. Плакать не было сил, думать не было возможности; стонала без слез, пришибленная горем душа. Казалось, что сама жизнь кончилась и страстно желанной казалась смерть.

V

Тело павшего в славном бою прапорщика Чаева привезли ранним утром прямо в собор, в приходский храм того полка, где служил свою недолгую службу убитый. На завтра были назначены похороны. Свинцового гроба не открывали – нельзя было открыть: вместо человеческого тела лежали жалкие куски мяса и костей – все, что осталось от разорванного неприятельским снарядом молодого красавца.

После первой панихиды у гроба, уехали домой рыдающие сестры. Матери не было, она оставалась дома. Родные, родственники и знакомые тоже постепенно покидали церковь. Редела толпа вокруг гроба. Уходя тихо совещались о завтрашнем дне похорон. Наконец схлынули на церковную паперть последние молящиеся.

У свинцового ящика, хранившего в себе последний земной след погибшего, оставалась теперь только она, безутешная Елена.

По-прежнему без слез стояла у дорогого изголовья молодая вдова. Сторож потушил церковную люстру, и только тонкие восковые свечи да лампы освещали теперь собор. Где-то гремел ключами сторож и громко читала монахиня у гроба, нанятая до утра.

Елена не могла ни думать, ни страдать, ни молиться. Невыплаканные слезы камнем ложились на сердце; сплош-

ным, беспросветным мраком закрылась душа. Особенно четко и навязчиво вонзались в мозг слова Писания, дробно и быстро сеемые монахиной. Но на них не останавливалась мысль.

В холодном, замкнутом отчаянии стояла на коленях у гроба молодая Чаева, вся застывшая в своем горе, не слыхала, как остановился экипаж у паперти собора, как, мягко шелестя подошвами по церковным плитам, подходил к ней кто-то, как высокая, прямая, словно стрела фигура старой женщины в глубоком трауре приблизилась к гробу и встала по другую сторону его.

Потянулось время, гнетущее, мертвое и неизбежное, как могила.

По-прежнему по обе стороны гроба неподвижно стояли молчаливые фигуры двух женщин в черном – старой и молодой.

Вдруг выпала тонкая свеча из рук чтицы-монахини, и на время оборвался её гнусавый голос.

Старая женщина вздрогнула, повернула голову, взглянула на молодую и... в тот же миг увидела отражение своего горя, своего отчаяния и холодной, мертвой тоски в поднятых на нее глазах молодой. И старое сердце дрогнуло, сжалось в комок.

Анфиса Алексеевна шагнула с исковерканным нечеловеческой мукой лицом к Елене. Та вся подалась вперед и с воплем рванулась навстречу свекрови. Широко раскрылись объ-

ятия старой Чаевой. Метнулась в них Елена, и обе женщины – старая и молодая – глухо зарыдали, тесно прижавшись одна к другой...